

ИЗ БАГАЖНИКА С ЛЮБОВЬЮ

ДЖЕФФ СТРЭНД

Полтергейст Пресс

Полтергейст Пресс

ISBN: 978-1-913138-14-1

Перевод: Иван Миронов
Редактор: Анастасия Ильиных
Иллюстрация: Ben Baldwin

Первое Издание

© Полтергейст Пресс, 2019
© Jeff Strand, 2012, 2013, 2017, 2018

Публикуется по договоренности с автором

www.poltergeistpress.com

СЛАБОНЕРВНАЯ

— **П**росыпайтесь, ленивые засранцы! Поднимайте свои разжиревшие задницы с кровати и приветствуйте новый солнечный денек! Правда вот солнца-то и нет, потому что долбаное солнце еще не взошло! Все равно (би-и-ип) вставайте! И мне по... (би-и-ип), что сейчас суббота! Если я должен вставать, то и вы тоже! Звоните нам и заказывайте песенки, чтобы мы знали, что вы, ленивые засранцы, любите послушать! Давайте, берите уже эти (би-и-ип) ...ные трубки!

Ребекка решила, что хуже диджея в эти выходные только то, что Гэри оставил будильник в другой части спальни. Он аргументировал это тем, что необходимость вставать с кровати, чтобы выключить будильник, позволит избежать бесконечной отсрочки сигнала, тогда как Ребекка была убеждена, что будильники с отсрочкой сигнала были правом, ниспосланным Богом всем тем дурням, которым приходилось вставать по утрам на работу.

Гэри поднялся, пробежал на цыпочках, стараясь как можно меньше касаться холодного дерева, до будильника и выключил его. Его трусы за ночь задрались и превратились в импровизированные стринги. Ребекка оценивающе присвистнула.

— Не смотри на меня как на кусок мяса, — заявил Гэри в притворном раздражении. — У меня ведь где-то там есть и личность.

ДЖЕФФ СТЭНД

— Личностью не наешься.

Он на цыпочках прокрался в гардероб.

— Зачем мы держим такой холод в доме?

— Потому что адекватные члены этого семейства остаются в выходные в кроватях. Присоединяйся.

— Если бы я мог отказаться, я бы так, наверное, и поступил. — Он взял полотенце с верхней полки. — Тебе оставить горячей воды?

Она фыркнула.

— Неужели похоже, что я собираюсь встать?

— Я подумал, может, ты приготовишь мне завтрак, соберешь одежду, подгонишь машину...

— Отлично. Здоровая фантазия укрепляет брак.

Он ухмыльнулся и пробрался в ванную. Ребекка закопалась поглубже под одеяло. Ей нравились осенние утра, когда не нужно было вставать. А особенно она любила утра, когда им обоим не нужно было вставать, но почему-то Гэри стрельнуло в голову провести выходные на природе с парочкой приятелей. Она даже не могла назвать это временным помешательством, потому что они запланировали эти выходные больше месяца назад.

Чудики.

Она лежала в кровати, прислушиваясь к шуму душа. На мгновение ей захотелось прокрасться к нему туда, но, к сожалению, между ней и мужчиной, которого она обещала любить вечно, лежал ужасно холодный пол. С тем же успехом тут мог пролегать и Большой каньон. Она не собиралась никуда идти.

Минут через десять Гэри, с зачесанными волосами и полотенцем вокруг пояса, вышел из ванной. Он не побрился (возможно, предпочел брутальный образ путешественника), но все равно выглядел чертовски хорошо. Он был худощавым, но игра в ракетбол три раза в неделю позволяла ему оставаться в форме.

СЛАБОНЕРВНАЯ

— Ни с места! Это полотенце незаконно, — строгим тоном проинформировала она его. — Бросьте его немедленно.

— Ни за что! Тут мороз. Я думал, ты сварганишь мне завтрак, достанешь одежду, подгонишь машину и все такое.

— Одеяло меня победило.

Гэри прошел к комоду, взял пару носков и чистое нижнее белье из верхнего ящика. Затем бросил полотенце.

Ребекка подчеркнуто втянула в себя воздух.

— О боже, что это за божественное зрелище перед моими глазами? — спросила она, изображая акцент красавицы-южанки. — Мне кажется, это задница моего дорогого мужа! Слава Иисусу!

Гэри натянул трусы.

— Что будешь делать в выходные?

— Ну, сначала я подумывала поспать часиков десять или пятнадцать. А потом прикинула, что встану и буду предаваться мечтаниям о возвращении в кровать. А потом я эти мечты воплощу.

— Знаешь, — произнес Гэри, присев на край кровати, — тебе стоит как-нибудь попробовать отдых в палатках — возможно, тебе понравится.

— Ты шутишь, да?

— Да. Ты все это люто возненавидишь.

— В любом случае ты бы не захотел, чтобы я мешала тебе и твоим приятелям заниматься там всеми вашими мужскими делишками. Рыгать, чесаться, харкать, мастурбировать и тому подобное. Женщинам там не место.

Гэри похлопал ее по ноге, или, точнее, по трем слоям одеял поверх ноги.

— Ты тут справишься одна?

Черт. Ну зачем он поднял эту тему?

ДЖЕФФ СТЭНД

Конечно, это был совершенно закономерный вопрос, но она явно не хотела думать об этом, лежа в теплой и уютной кровати. Она не хотела думать о выходных в одиночестве.

— Все будет нормально.

— Точно? Ты не будешь пугаться?

Трястись от ужаса...

— Мне двадцать восемь. Думаю, я смогу провести пару дней одна.

Она постаралась, чтобы голос не сорвался, но получилось не очень хорошо.

Он нахмурился.

— Ты уверена, что тебе не с кем побыть?

— Гэри, со мной все будет нормально. Я и раньше оставалась одна.

И подпрыгивала от каждого шороха, ни секунды не спала, и чуть не умирала от инфаркта при каждом телефонном звонке.

— Но не целые же выходные.

— Еще раз — двадцать восемь. Не шесть. Не беспокойся обо мне. Я хочу, чтобы ты отдохнул. — Она улыбнулась. — Давай одевайся побыстрее!

— Попробую позвонить тебе вечером. Если не смогу дозвониться из-за плохой связи, не беспокойся, но, надеюсь, мобильники будут работать как надо.

Он перелез через нее, поцеловал, затем выбрался из кровати и пошел доставать одежду из гардероба. Ребекка собиралась приятно провести выходные. Поспать, посмотреть телевизор, прочитать одну-две книжки и побыть полностью бесполезной для общества. Она была взрослым человеком, не верила в Бабая, и не было никаких проблем в том, чтобы остаться одной дома на два коротких денечка.

СЛАБОНЕРВНАЯ

И одну ночь.

Боже, как она ненавидела темноту...

Х Х Х

Пока Гэри складывал свое снаряжение, едва оставляя место бедолаге, который должен был ехать на заднем сиденье, Ребекка быстренько выбралась из кровати, прошмыгнула в холодную кухню и стала готовить тосты с виноградным желе. И пусть никто потом не говорит, что Ребекка Харпстер — женщина, не знающая слова «жертвовать».

Она взглянула в окно на наружный термометр. Тридцать два градуса¹. Обычное октябрьское утро Внутренней Аляски, а это означало, что нужно было быть совершенно чокнутым, чтобы хотеть идти в поход. Они с Гэри один раз уже перезимовали на Аляске, поэтому она знала, что будет гораздо холоднее, но внутри все еще была мерзлявой девчонкой из Флориды. Хорошо хоть снега еще не было.

Она протянула Гэри тост, когда тот вернулся.

— О, спасибо! — сказал он. — Я знал, что ты меня любишь.

— Да, люблю.

Она поцеловала его. Затем еще — на этот раз подольше и с язычком.

Он отстранился.

— После такого мне будет гораздо тяжелее ходить по лесу с парочкой уродливых мужиков.

Она снова поцеловала его.

¹ По Фаренгейту. Равен нулю градусов по Цельсию

ДЖЕФФ СТЭНД

— Точно?

— Ага. Коварная искусительница.

— Тогда спровадь их. Скажи им: твоя жена была так соблазнительна, что ты не устоял. Они тебя простят.

— Звучит заманчиво. Ну, может, по-быстренькому...

Она мягко оттолкнула его.

— Иди. Ты же не хочешь, чтобы твои друзья тебя ждали. Передавай привет Скотту и Дагу.

Гэри еще раз поцеловал ее, шлепнул перчаткой по заднице и вышел из дома.

Она видела в окно, как он сел в машину и уехал.

С ней все будет в порядке. В полном порядке.

На самом деле, все будет сказочно. Как часто ей выпадали выходные, когда можно ничего не делать? Не надо никуда бежать, не надо разбирать бумажки, не надо выполнять никаких социальных обязательств... Намечались совершенно райские выходные.

А когда стемнеет, ну, она включит весь свет, врубит фильм братьев Маркс² и будет получать удовольствие. Она была замужем за Гэри уже пять лет, и уж если не могла обойтись без него одни выходные раз в пять лет, то у нее были серьезные проблемы.

Она зашла в ванную и посмотрела на себя в зеркало. Если уж кого и стоило на самом деле бояться в отсутствие Гэри, то это ее собственного отражения. Каштановые волосы выглядели так, словно кто-то поднес к ним электромиксер. Еще в уголке рта засохла слюна, и не мешало бы сбросить десяток фунтов (до того веса, про который специалисты в области здравоохранения говорили, что не мешало бы сбросить еще десяток фунтов, — и это вполне ее устраивало).

Братья Маркс — пять братьев, популярные комедийные артисты из США, специализировавшиеся на «комедии абсурда».

СЛАБОНЕРВНАЯ

Ну, от слюны она избавилась, а вот ее жуткая прическа так и останется на все выходные. А если ей станет страшно, то она будет противостоять своим страхам, добавив пару фунтов к тому количеству, которое не мешало бы сбросить.

У нее не было никаких детских травм, в которых нужно было копать, никаких шрамов на душе — просто она была самой обычной трусихой.

**ХОЛОДНЫЕ
МЕРТВЫЕ РУКИ**

— **Заходите! Заходите!**
Барри захлопнул дверь морозильной камеры. У него единственной была порезана рука, так что было бы чудесно, прояви кто-нибудь инициативу и закрой эту дурацкую дверь, но по этому поводу он собирался повозмущаться позже.

— Все в порядке? — спросила женщина. Она была одета скорее для вечерней прогулки по городу, чем для утренней закупки продуктов. Возможно, просто все еще была во вчерашнем наряде. И хотя она весила немного больше, чем следовало, рванула в задний отсек шустрее всех.

— Да, я в норме, — ответил Барри, а капля его крови упала на стальной пол и тут же стала замерзать.

— Мы в порядке, — сказал мужчина лет сорока, стоявший рядом с женщиной, которую Барри принял за его жену. Они скрючились в обнимку: немного из-за температуры и гораздо больше из-за того, что их чуть не убили.

Другой мужчина лет сорока, в футболке с Губкой Бобом Квадратные Штаны, прошел глубже в морозилку, разглядывая стеллажи. Да ему особо-то и некуда было идти — местечко не сказать чтобы особо просторное. Пятнадцать или шестнадцать футов в длину максимум и, может, двенадцать в ширину. Стеллажи вдоль стен сжирали половину пространства.

ДЖЕФФ СТЭНД

— Сэр? — спросила дама при параде.

— А?

— Вы в порядке?

Мужчина взглянул на нее и кивнул.

Кто-то начал барабанить с другой стороны двери морозильной камеры.

— Не открывайте! — воскликнула женщина, та, что обнималась с мужем.

Снаружи еще кто-то присоединился к бешеному молотилу.

— Это может быть один из них, — заметил парень в футболке с Губкой Бобом.

— Не-а, — сказал Барри.

Он не собирался рисковать своей жизнью ради других, но еще меньше он хотел, чтобы люди снаружи своими криками раскрыли их укромное местечко.

Он открыл дверь. Еще пятеро ввалились в морозилку. Черт.

Не проверив, остался ли там кто еще, Барри захлопнул дверь. Нет, серьезно, он закапал кровью все помещение — почему он дежурит у двери в морозилку?

— Запри ее! — закричал один из вошедших.

— Она не запирается, — ответил Барри.

— Почему?

— А на кой запирать морозилку изнутри? Тащите сюда какой-нибудь стеллаж!

Нет, секундочку. Дверь открывалась не в ту сторону. От стеллажа толку не будет. Ощущая себя болваном, Барри схватил прислоненную к стеллажу метлу и пропихнул ее через ручку над кнопкой разблокировки двери, надеясь, что этого хватит, чтобы держать дверь закрытой. Конечно, это была не неприступная крепость, но если им повезет, то пробиться сюда будет сложновато, и психопаты снаружи не станут заморачиваться.

ХОЛОДНЫЕ МЕРТВЫЕ РУКИ

— Да, верно, — проговорила всхлипывающая молодая женщина в свой мобильник. — Мы заперлись в морозильной камере. Пожалуйста, пришлите кого-нибудь побыстрее!

У них тут есть сотовая связь? Какая приятная неожиданность!

Как только дверь забаррикадировали, все вытащили мобильники. Барри посмотрел на свою руку. Битая бутылка хорошенько ее разодрала — швы-то уж наверняка, — но кровь фонтаном не била. До того, как тут все разрешится, от потери крови он не помрет.

Итак, тут были: он сам, женатая парочка, дама при параде, тип в футболке с Губкой Бобом, к которому теперь присоединился испуганного вида паренек лет двадцати с небольшим, одетый в слишком большие штаны (ну хотя бы натянул их правильно). Была тут и молодая женщина, которая звонила в полицию, пожилой чернокожий, женщина, в которой Барри тут же признал копа или военную, и... черт, мальчишка. Лет шесть, может. Он сидел в углу и плакал, и, судя по тому, что его никто не утешал, его с родителями разлучили.

— Давайте обмениваться опытом, — сказал Барри. — Что там произошло?

— А ты что, не видел? — спросил женатый парень. — Они вошли и просто стали убивать людей!

Барри покачал головой.

— Они стали нападать на людей. Я не видел, чтобы кто-то умер. Кто еще видел что-нибудь?

Никто не ответил.

Барри указал на свою руку.

— Один из них резанул меня битой бутылкой. Не самый эффективный способ устроить массовое убийство в продуктовом магазине. Может, они никого и не пытались убить?

ДЖЕФФ СТЭНД

— Пытались, — все еще всхлипывая, проговорила женщина, звонившая в полицию. — Один из них выпустил стрелу мне в голову. Он явно пытался меня убить.

— Вы уверены, что он не нарочно промахнулся?

Она пожала плечами и вытерла нос ладонью.

— Может и так. Но она пролетела в паре дюймов от моей головы, когда я бежала. Если он не цирковой артист, то он хотел убить меня.

— Я не видел, чтобы кто-то умер, — произнес чернокожий старик, — но уверяю: те ребята не собираются ограничиться нанесением легких ран. Ты видел того, который махал топором?

— Нет, — признался Барри.

— Они пытались убить нас. Почему они приперлись с арбалетами, топорами и битыми бутылками, а не с пушками и взрывчаткой — бог их знает, но те гаврики однозначно хотят нашей смерти.

Барри вздохнул.

— Хорошо. Ну, сюда они не попадут. До тех пор, пока копы их не положат.

— Согласен, — сказал старик. — Тут не очень удобно, зато безопасно.

— Пока мы не замерзли насмерть, — влез парень в футболке с Губкой Бобом.

— Никто не замерзнет, — сказал Барри. — Все кончится до того, как мы начнем беспокоиться об этом. И не надо говорить такие вещи при ребенке. Что с тобой?

— Кто-то же должен был это сказать.

— Не должен. Говорить это — тупость, и нам ни к чему, чтобы кто-то тут тупил. Сосредоточься на том, чего действительно стоит опасаться, и не создавай новых проблем. На худой конец, думаю, мы сможем отрегулировать температуру изнутри.

ХОЛОДНЫЕ МЕРТВЫЕ РУКИ

— Наверное.

— Посмотри на мою руку. Мне хуже, чем тебе. Когда я начну волноваться, что мы все тут передохнем, тогда и ты начинай. А пока надо успокоиться и держать дверь закрытой. Полиция скоро будет. Пусть они занимаются своей работой.

— Всё уже в соцсетях, — сказала замужняя женщина, поглядывая в телефон.

— Что говорят?

— Неподтвержденные сообщения о нападении на «Сэв-Лотс». Власти на месте происшествия. Трое или четверо напавших. Заложники.

— Мы?

Замужняя женщина пару раз свайпнула по экрану.

— Не думаю. Я полагаю, они имеют в виду других людей. Мы не заложники; мы просто прячемся.

— Они террористы? — спросил ее муж.

— Никто уже не знает точно, кто такие «террористы», — произнес старик.

— Я не тебя спрашивал.

— А я и не отвечал за нее. Просто наблюдение.

— Полиция уже здесь, — сказала замужняя женщина. — И кто-то выложил видеоролик, где женщину ударили по ноге молотком с гвоздодером.

— Господи, — проговорил Барри.

— Возможно, выложенная информация неточная, но, похоже, с дюжину человек выбрались оттуда в целости и сохранности. Внутри несколько заложников, в том числе и беременная на восьмом месяце. Выстрелов нет.

— У кого-то из них и пушки есть?

— Не знаю.

— Ну ладно, те двое, которых я видел, были белыми, — сказал Барри. — Двадцать — двадцать один, около того.

ДЖЕФФ СТЭНД

Я видел парня с арбалетом через несколько проходов, но не заметил, было ли у него еще что. На парне, который пырнул меня битой бутылкой, был ремень с кучей висящей фигни. Я точно видел охотничий нож.

Плачущая молодая женщина, которая звонила в полицию, сказала:

— У того, с арбалетом, тоже был такой ремень.

— И у мужика с топором, — сказал старик. — Никакой кобуры я не видел.

— Ну хорошо, — сказал Барри. — Короче, у нас есть парень с топором, парень с арбалетом, парень с битой бутылкой и парень с молотком.

— Нет, — сказала замужняя женщина. — С арбалетом — это тот же, что и с молотком.

— Хорошо, может, их всего трое. Еще кто-нибудь кого-нибудь видел?

Никто никого не видел.

— В худшем случае нам придется защищать дверь от троих мужиков. А нас сколько — девять, десять?

— Десять, — произнес старик.

— Мы в полной безопасности. Эти придурки не захватили пушки, а вся передняя часть магазина — одна большая витрина. Их всех завалят минут через двадцать.

Барри, конечно, временные рамки взял с потолка, но он был уверен, что реальной опасности нет.

Плачущая молодая женщина посмотрела в мобильник и ахнула.

— Что такое? — спросила дама при параде. Она подошла к мальчишке и обняла его за плечи.

— Я думала, что мой муж и дочь выбрались! Я видела их на выходе! Он повел ее смотреть раскраски, так что они были на другой стороне магазина, но я же их видела прямо на выходе! Они уже должны были быть в безопасности!

ХОЛОДНЫЕ МЕРТВЫЕ РУКИ

— А они нет? — спросил Барри.

— Я отправила сообщение мужу, чтобы он не беспокоился и что я в безопасном месте, а он ответил: «Синд».

— Что за Синд?

— Мою дочь зовут Синди. Почему он не отправил мне полное сообщение? Что с ними произошло?

— Набери его.

— Я пыталась. Не отвечает.

— Послушай, э... как тебя зовут?

— Ванесса.

— Послушай, Ванесса, — сказал Барри, — люди постоянно шлют неполные сообщения. Не стоит додумывать. Если ты их видела на выходе, то значит, они выбрались, уверяю.

Ванесса яростно тряхнула головой.

— Нет, что-то не так.

— Там снаружи полный бедлам. Не о чем беспокоиться.

— Ты должен меня выпустить.

— Вот уж нет. Это опасно и для тебя, и для всех остальных. Я, конечно, не знаком с твоим мужем, но он уж точно ни капельки не хочет, чтобы ты вылезла к этим троим маньякам. Возможно, сейчас эти психопаты и не знают, что у них тут в морозилке прячется еще десяток человек.

— Но...

— Мы не позволим, чтобы ты пострадала. Твоему ребенку нужна мать.

— Хорошо, ты прав, извини, ты прав.

Ванесса вытерла слезы с глаз, перевесила сумочку на другое плечо и написала ответ мужу. Барри надеялся, что она не пишет о своем местонахождении в морозильной камере, но для него сказать: «Эй, давай-ка никому не скажем про наше тайное местечко, хорошо?» — было бы равносильно признанию, что он считает ее мужа залож-

ДЖЕФФ СТЭНД

ником. Истерящая в таком тесном помещении Ванесса представляла бы большую угрозу, чем психопаты, увидевшие сообщение на телефоне ее мужа.

В любом случае, если уж нападавшие решат обыскать продуктовый магазин, морозилка будет очевидным тайным местечком. Это не секрет.

Удивительно, что только одна Ванесса была близка к срыву. Им еще повезло, что морозилка не была битком набита десятком визжащих, рыдающих и обезумевших людей. Важно было искать светлые стороны. Позволить людям общаться друг с другом. Знакомиться.

— Я искренне убежден, что все скоро разрешится, — сказал им Барри. — Но кто его знает, может, нам придется некоторое время побыть тут. Хорошо бы нам познакомиться. Меня зовут Барри.

Никто не сказал: «Привет, Барри!»

— Еще, конечно, у нас есть Ванесса.

Барри указал на даму при параде.

— А тебя как зовут?

— Дана.

— Привет, Дана. А кто тут с тобой?

Мальчишка отвернулся.

— Он мне сказал, что его зовут Пит, — сказала Дана.

— Приятно познакомиться, Пит. Ты гораздо смелее всех нас, уж поверь мне.

Барри указал на женатую пару.

— А вы?

— Мистер и миссис Андерсон, — произнес мужчина.

— А имена?

— Хватит и мистера и миссис Андерсон.

— Дело ваше.

Барри предположил, что они не хотят слишком близко сходитья с немытыми плебеями в морозильной каме-

ХОЛОДНЫЕ МЕРТВЫЕ РУКИ

ре «Сэв-Лотс». Или пытаются казаться загадочными. Или просто жлобы.

— Я Тревор, — ответил старик, не дожидаясь вопроса. — Мне семьдесят, и я прожил долгую, полноценную жизнь. Когда Господь позовет меня, я буду готов. Но пока что я уверен, что Господь не хочет, чтобы я умер от рук отморозка, вооруженного топором. Так что все будет нормально.

— Спасибо, Тревор, — произнес, улыбаясь, Барри.

Он указал на последнюю из четырех женщин, даму, к несчастью одетую в шорты и футболку. Она была весьма привлекательной, но ни одежда, ни косметика не были рассчитаны на то, чтобы подчеркнуть ее красоту. Она, конечно, не играла мускулами, но Барри был почти уверен, что в случае чего она навалит ему.

— Минни, — сказала она.

— Привет, Минни.

— Пока ты не сказал — да, как мышку.

— Я бы так никогда не сказал. Я стараюсь не сообщать людям об их именах то, что они уже сто раз слышали.

— Очень признательна, Барри.

— Ты коп?

Она выглядела удивленной.

— Нет. С чего ты взял?

— Ты ведешь себя как коп. Военнослужащая?

— Да.

— Морская пехота?

— Не-а.

— Сухопутные войска?

— Не-а.

— Воздушные силы?

— С третьего раза угадал.

— Действующая военнослужащая?

ДЖЕФФ СТЭНД

— Да. В отпуске. Я должна быть на пляже, а не в морозилке.

— Ну что ж, если плохиши выдавят дверь, сделаем так, чтобы ты оказалась прямо перед ними и устроила им неприятную неожиданность, — пошутил Барри.

— Я там и планировала оказаться, — сказала Минни. Барри подумал, что она не шутит.

У парня в футболке с Губкой Бобом на лице было выражение «учительница, не вызывайте меня к доске, пожалуйста», но Барри не мог просто так его проигнорировать.

— Ты следующий.

— Я Силлабус.

— Силлабус?

— Все верно.

Барри хотел было вставить комментарий, но почувствовал, что должен проявить к имени Силлабуса такое же уважение, как и к имени Минни.

— Приятно познакомиться, Силлабус. Хотелось бы, чтобы обстоятельства были другими.

Оставался только испуганного вида паренек. Он обильно потел, хотя они и сидели в морозилке, и подергивался. У него был вид наркомана, которому требовалась доза, но Барри выдал ему кредит доверия и предположил, что тот просто напуган, как и все они. А в том маловероятном случае, если он действительно окажется наркоманом и озвереет, как это бывает с зависимыми, когда дверь морозилки не дает им добраться до заветной наркоты, они смогут, и Барри был в этом уверен, довольно легко его укротить.

На самом деле, оглядываясь назад, Барри решил, что было бы забавно, если бы они оказались заперты с каким-нибудь дерганным наркоманом. Оказалось бы на одну ненужную проблему больше.

ХОЛОДНЫЕ МЕРТВЫЕ РУКИ

— Эй, — спросил он, — есть тут беременные, которые вот-вот родят?

Дана сердито на него посмотрела.

— Это еще что значит?

— Ой, блин, нет. Я не то имел в виду. Это шутка была. Просто сейчас не самое подходящее время рожать, вот я и пошутил по этому поводу. Просто хотел развеселить всех. Извините.

— Извинение принято, — сказала Дана.

Он не мог понять, искренне ли она это произнесла.

— Беременная женщина есть среди заложников снаружи, — произнес Силлабус. — Так что твой комментарий еще менее забавный.

— Прошу прощения.

Ну и ладно. Зато до этого он за целых несколько минут не сморозил ни единой глупости. По крайней мере, сейчас он это сделал не перед клиентом.

— Ты последний, — сказал он надеюсь-что-не-наркоману.

— А чего ты стараешься подружиться со всеми?

— Я не стараюсь. Я провожу вводный курс. Кроме как ждать, делать нам нечего, поэтому я пытаюсь всех занять в это напряженное время.

— Вообще-то нас развлекать не надо.

— Если бы я хотел тебя развлечь, я бы начал петь песенки. У меня очаровательный певческий голос. Жаль, что ты не считаешь необходимым знать имена тех, с кем ты тут заперт, но мне это кажется элементарным.

— Чудесно. Я Чад. Детишки меня раньше называли Вешалкой, и я думал, они имеют в виду, что я похож на вешателя.

— Спасибо, Чад, — сказал Барри. — С именами все. Итак, у нас есть Ванесса, Дана, Пит, мистер Андерсон,

ДЖЕФФ СТРЭНД

миссис Андерсон, Тревор, Минни, Силлабус и Чад. Нигде не ошибся?

— Нет, — сказал Тревор. — Надеюсь, нас не собираются экзаменовать.

— Есть новости, как там снаружи?

— Много противоречивого, — сказала миссис Андерсон. — В одном сообщении говорится, что у них пулеметы. И всё ещё пишут про заложников.

— Ага, — подтвердила Ванесса.

— Полагаю, никто там в режиме онлайн не рассказывает, что мозги этих ребят размазало по стене, — вздохнул Барри.

— К сожалению, нет, — ответила миссис Андерсон.

— Не нахожу регулятора температуры, — сказал Силлабус. — Наверное, он снаружи. Даже будь он тут и имей мы возможность выставить его на семьдесят два градуса, температура поднималась бы до приемлемого уровня вечность.

— Вечность тут сидеть мы не собираемся, — заметил Барри.

— Да и запас кислорода ограничен.

— Мы же не разбиваем тут лагерь, ради всего святого. Мы переживаем опасную ситуацию. Если почувствуем, что задыхаемся, откроем эту дурацкую дверь и впустим воздух. Не надо тут каркать.

— Я не каркаю, а реалистично гляжу на вещи.

— Нет, ты пугаешь людей вещами, по поводу которых сейчас не надо париться. Давай так. Предлагаю тебе разобраться с проблемой температуры и кислорода. Когда разберешься, доложишь о результатах. Так нормально?

— Не надо разговаривать со мной в покровительственном тоне.

ХОЛОДНЫЕ МЕРТВЫЕ РУКИ

Барри вздохнул. Пар изо рта напомнил ему, что он мечтал о сигаретке.

— Знаешь что? Чудненько. Я с тобой больше не буду общаться. Я тут не главный — просто я самый болтливый. Если что-то захочешь сказать группе — валяй. Говори.

— Мне не нужно твое разрешение, — сказал Силлабус.

Барри решил, что пора начинать игнорировать этого говнюка. Шансы, что обсуждение закончится словами Силлабуса: «Боже, простите меня за мое отвратительное поведение!» — равнялись нулю. Скорее все закончится тем, что Барри будет едва сдерживаться, чтобы не вломить ему по голове замороженной индейкой. Все в порядке. Ему не обязательно было оставлять за собой последнее слово.

Пару минут стояла тишина, если не считать нескольких шмыганий носом. По крайней мере, у них было пространство. Не много пространства — все же не предусматривалось, что в морозилке будет околачиваться десяток человек, — и если придется устроить тут зал ожидания, то будет гораздо теснее.

Кто его знает, может, нападавшие уже валялись в лужах собственной крови. С тревогами по поводу клаустрофобии, гипотермии и асфиксии можно было и подождать. А что касается их попадания в эту морозилку на продолжительное время, прямо сейчас единственное, о чем Барри по-настоящему тревожился, заключалось в том, что он не сходил по-маленькому, прежде чем началась мясорубка.

У него был мобильник, но он его использовал только в качестве телефона и только в случае крайней необходимости. Он предпочитал смотреть на людей, с которыми разговаривал. И все это дерьмо вроде видеочатов не в счет. Барри понимал преимущества возможности отправлять

ДЖЕФФ СТЭНД

сообщения, и если представить, будто его бывшей жене не наплевать на то, что он в смертельной опасности, он отправил бы одно — заверить ее, что всё в полном порядке. И вообще, Барри был рад, что относился к тому поколению, которое выросло без мобильных, так что пускай более молодые люди мониторят интернет в морозилке.

— Хм, — протянула миссис Андерсон, хмуро глядя в телефон.

— Что?

— Трех преступников опознали.

Она подозвала Барри, махнув телефоном.

— Взгляни. Власти уже знают троих из них.

Барри подошел к ней. Заголовок гласил: «Напавшие на продовольственный магазин во Флориде опознаны». На прилагающемся изображении было четыре фотографии.

Миссис Андерсон приподняла бровь, как бы говоря ему, что произносить вслух это не надо.

Фотографии на экранчике мобильного были, разумеется, очень маленькими, но все же можно было легко рассмотреть лица мужчины с топором и мужчины с битой бутылкой. Третий, парень лет двадцати с копейками, предположительно, был обладателем арбалета.

Четвертым был Чад, который стоял в десяти футах от Барри, все еще подергиваясь и потея.

Я СЛЕЖУ ЗА ТОБОЙ

Вобщем, она кладет стейк передо мной, будто это приз какой, я смотрю — а он явно не с кровью. Я просто взбесился. Она даже не присела; стоит — светится вся, будто ей в черепушку фонарик вставили. Ну хорошо, думаю. Не буду поднимать бучу. Я отрезаю кусок, а там вообще сока нет. Ни капельки. Будто она спалила его дотла.

Рассказывая свою историю, он неистово машет вилок. Трое его дружков-идиотов в полном восхищении. Я говорю себе, что, если бы в ресторане больше никого не было, я мог бы подойти и стукнуть каждого по морде, просто чтобы сменить их дебильные ухмылки на крики. Но тут еще семь человек, не считая поваров и посудомоек на кухне, и столь опрометчиво я не поступаю, так что продолжаю наблюдать.

— И что прикажете делать? Если я говорю, что хочу стейк с кровью, а она приносит его средней прожарки — ничего страшного. Я объясню ей, что она сделала не так. И она в следующий раз исправится. Но эта хрень как минимум сильно прожаренная, и когда я прихожу домой после тяжелого рабочего дня, я хочу есть мой ужин, а не грызть, сечете? Так что я говорю: «Какого хрена?» — а она ведет себя так, будто я ей пощечину влепил. Я не бью женщин, уж я-то себя знаю, а если и бью, то не из-за стейка, но она прямо-таки отшатнулась, ей-богу.

ДЖЕФФ СТЭНД

Я разрезаю собственный стейк. Сырой, как я и заказывал.

— И она тут же пускает слезу и спрашивает, мол, разве она неправильно его приготовила, а я отвечаю, мол, да, неправильно, разве не видно. И потом началось: ты меня обидел, ой-ой-ой!

Он кривит лицо и прижимает руки к глазам, неправдоподобно изображая, будто рыдает и вытирает слезы. Его дружки, очевидно сталкивающиеся с такими же проблемами, понимающе ржут.

— Но я-то не виноват. У нее нет работы. Ее дети с нами не живут. Единственное, что ей нужно сделать за весь день, — это приготовить ужин. Или она думает, что я женюсь на телке, которая не умеет готовить стейк? И на самом деле я нормально отношусь к тому, что она запрела стейк. Все ошибаются. Только вот не надо слезу пускать, когда я пытаюсь убедиться, что в будущем стейки не превратятся в говно. Это же логично, да?

Дружки уверяют его, что все совершенно правильно. Теперь уже другой дебил пытается выдать забавный рассказец, так что я стараюсь сосредоточиться на еде. Мое финансовое положение оставляет желать лучшего, и я редко ем в ресторанах, а в таких полуэлитных, как этот, — и того реже. А он очень хорош. Хотел бы я бывать в таких почаще.

Я ем быстрее, чем они, поэтому последние куски растягиваю, ожидая, когда они закончат. Убрав их тарелки и записав заказ на десерт, официант останавливается возле моего столика и спрашивает, не желаю ли и я десерт.

— Нет, нет, а то я лопну, — говорю. Я указываю на красномордого свина, который ржет над чем-то, уверен, не особо смешным. Говорю тихо, несмотря на то что они полностью погружены в беседу и не слышат меня. — Могу я передать вон тому столику бутылочку вина?

Я СЛЕЖУ ЗА ТОБОЙ

— Конечно, сэр. Какое желаете?

Я в винах не особо разбираюсь.

— Есть какая-нибудь дешевая марка, которая не воспринимается как дешевая? Я хочу купить самое дешевое вино из тех, что они не назвали бы дешевыми.

— Они весь вечер пьют «Мерло», тридцать восемь долларов за бутылку.

— А могу я передать один бокал?

— Да, сэр.

— Отлично. Один бокал Терренсу, крупному парню с краю.

Официант уходит. Я бросаю взгляд на покрытый вишней чизкейк, который поглощает пара за соседним столиком, и жалею, что не заказал десерт.

Через несколько минут официант подходит к их столику с огромными кусками торта и пирога. Он ставит бокал красного вина перед Терренсом. Терренс выглядит сбитым с толку и, когда официант указывает на меня, приходит в еще большее замешательство. Я улыбаюсь и поднимаю свой стакан с водой.

Он понятия не имеет, кто я такой.

Он неуклюже поднимает свой бокал в ответ и шепчет что-то остальным за столом. Никто из них не пытается скрыть направленного на меня взгляда. Я вытаскиваю бумажник, рассчитываю сумму чека с приличными чаевыми, кидаю несколько купюр на стол и выхожу из ресторана. Ощущаю себя довольно неплохо.

х х х

Если Терренс пойдет домой, то я вернусь в номер своего отеля, посплю немного и завтра продолжу слежку. Но он

ДЖЕФФ СТРЭНД

не идет. Вместо этого он со своими друзьями едет в бар в нескольких кварталах отсюда.

Несколько минут я жду на парковке, напевая, чтобы скоротать время, а затем захожу внутрь.

Заведение наполнено сигаретным дымом. Отвратительно. Ненавижу курево. Но Терренса ненавижу еще больше, поэтому захожу. Вчетвером они сидят у стойки бара. Терренс — на краю, а возле него — пустой барный стул, но я не хочу просто так взять и плюхнуться рядом. Я хочу, чтобы он сам заметил, что я здесь. В баре есть «Мисс Пэкмен», так что я прохожу к автомату и делаю вид, что играю.

Там я стою минут десять, но пьяный ублюдок так и не замечает меня. Я вижу его отражение на экране видеогри, так что я знаю, что он это не от скромности делает.

Я отказываюсь от первоначального плана и просто сажусь возле него.

— Могу я купить вам еще выпивки? — спрашиваю.

Он смотрит на меня налитыми кровью глазами.

— Послушай, друган, я не гомофоб. Если вы, геи, хотите жениться и стать такими же несчастными, как и все остальные, — пожалуйста, я не против. Но я против, чтобы всякие пидоры подкатывали ко мне, так что найди-ка себе другое место, чтобы мне не пришлось отвечать тебе пинка.

Его дружки наблюдают. Интересно, разговаривал бы он так смело, если бы не было поддержки.

— Я натурал, — произношу я. — Извините. Я перепутал вас с другим человеком.

— Да? И кем я, по-твоему, должен был быть?

— Другом.

— Ну, теперь ты знаешь, что я не он.

— Извините за недопонимание, — говорю ему.

Я СЛЕЖУ ЗА ТОБОЙ

Но со стула не слезаю. Подзываю жестом бармена и заказываю пиво.

Несколько секунд я делаю вид, будто не в курсе, что Терренс смотрит на меня, а затем поворачиваюсь к нему.

— Прошу прощения?

— Думаю, тебе стоит пересесть.

— Я прошу прощения, если моя ошибка доставила вам неудобство, — говорю я, глядя ему прямо в глаза. — Но я не так молод, как раньше, поэтому, раз уж сел, я обычно склонен сидеть до тех пор, пока не допью пиво. Думаю, вы можете меня понять. Сколько вам, сорок четыре?

Ему точно сорок четыре. И могу сказать, что он не понимает, то ли это удачная догадка, то ли я знаю, кто он такой.

— Мне тебя сбросить с этого места? — спрашивает Терренс.

Бармен со стуком ставит передо мной пиво.

— Если вы, ребята, собираетесь устраивать разборки, то давайте где-нибудь в другом месте.

— Мы ничего не устраиваем, — говорю я.

— У меня арендная плата настолько высокая, что я едва содержу это заведение, — говорит бармен, у которого, по всей видимости, настроение выговориться, и он ждет, когда кто-нибудь даст ему повод. — И я не хочу платить лишние бабки, чтобы чинить то, что вы, приматы, поломаете.

— Мы ничего не устраиваем, — повторяю я.

Терренса я не боюсь, но получить по лицу не входит в мои планы. Я достаю бумажник, вытягиваю последние три купюры и бросаю их на барную стойку.

— Три пятьдесят, — говорит бармен.

Черт. Неловко выходит. У меня нет пятидесяти центов. Вся суть в том, чтобы напугать Терренса, а моя неспособность заплатить за пиво явно этому не способствует. Черт.

ДЖЕФФ СТЭНД

Я чувствую, как покрываюсь холодной испариной, но тут темно, и я уверен, что Терренс этого не заметит. Я смотрю на бармена, а затем — на Терренса.

— Он заплатит разницу, — говорю я, а затем быстро — но не слишком быстро — соскальзываю со стула и выхожу из бара.

Я надеюсь, что эта четверка не выйдет следом за мной. Подслушав их разговор в ресторане, я понял, что его дружки — те еще паскуды, но они не заслуживают той судьбы, что ожидает Терренса. Немногие заслуживают ее. Когда я решу отомстить, ему будет крайне неприятно.

Имеет ли он хоть малейшее представление, кто я такой?

Он никогда меня не видел. Это чудовище, наверное, даже не знает, что двадцать пять лет назад разрушило мою жизнь. Наверное, думает, что он в безопасности. Возможно, никогда не оглядывается через плечо, не проверяет в кладовой, под кроватью.

Я же полжизни провел в страхе из-за него.

Но теперь я не боюсь.

Они не выходят из бара. Интересно, убедил ли его один из дружков, что оно того не стоит, или они все поржали и вернулись к своей выпивке? Интересно, заплатил ли он пятьдесят центов?

Интересно, стало ли ему страшно — хоть немного?